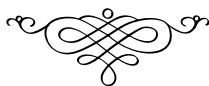

ДЖИВС,
ВУСТЕР

И ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ

П.Г. ВУДХАУС

Даровые деньги

Задохнуться можно

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
В88

Серия «Дживс, Вустер и все-все-все»

Pelham Grenville Wodehouse

MONEY FOR NOTHING
HEAVY WEATHER

Перевод с английского *Н.Л. Трауберг*

Серийное оформление и дизайн обложки *Е.Д. Фerez*

Печатается с разрешения The Trustees of the
P.G. Wodehouse Estate и литературных агентств Rogers,
Coleridge & White Ltd. и Andrew Nurnberg.

Вудхаус, Пелам Гренвилл.

В88 Даровые деньги. Задохнуться можно : [романы] /
П.Г. Вудхаус ; [пер. с англ. Н.Л. Трауберг]. — Москва :
Издательство АСТ, 2016. — 416 с. — (Дживс, Вустер и
все-все-все).

ISBN 978-5-17-095689-0

«Даровые деньги»

Настали новые времена. Пришли «ревущие двадцатые» XX века. Великосветским шалопаям приходится всячески изворачиваться, чтобы удержаться на плаву!

Так, лихие ирландцы Моллои, с присущим им обаянием и темпераментом, планируют мгновенно разбогатеть, сыграв на легендарной жадности и мнительности богача Лестера Кармоди, оказавшегося в когтях их клана...

«Задохнуться можно»

Уморительная «семейная сага» о высокородных обитателях замка Блэдинг и его окрестностей — эксцентричных британских леди и джентльменах, сохраняющих аристократическое достоинство перед лицом самых невероятных обстоятельств, и о беспечных представителях золотой молодежи «бурных двадцатых», с легкостью пренебрегающих «нерушимыми» традициями ради минутных слабостей и увлечений.

Робкий влюбленный Ронни Фиш мечтает жениться на прелестной хористке Сью Браун, но не тут-то было: женская часть обитателей замка Блэдинг готова на все, чтобы удержать его от столь необдуманного шага...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1928, 1933

© Перевод. Н.Л. Трауберг, наследники, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-095689-0

Даровые деньги

Глава I,
ПРЕДСТАВЛЯЮЩАЯ ЧИТАТЕЛЮ
ВЛЮБЛЕННОГО МОЛОДОГО
ЧЕЛОВЕКА

1

Деревушка Радж дремала в летних лучах. На узкой, хотя и главной улице жизнь замерла, если не считать кошки, трущейся о желоб, мух, занимавшихся гимнастикой на раскаленных подоконниках, и глубоких мыслителей у кабачка, ожидавших, когда он откроется. Жизнь вообще не кипит здесь, но чужеземцу особенно трудно принять эту местность за Пиккадилли, Бродвей или Рю де Риvoli в два часа пополудни, жарким летом.

Саму деревушку вы найдете, внимательно изучив ту живописную часть Англии, где серый камень Глостершира сменяется серым кирпичом, которым славен Вустершир. Тихо, почти бессознательно, притулилась она у речки Скерм, и никого не трогает, никуда не лезет, сонно довольствуясь норманнской церковью, одиннадцатью кабачками, населе-

¹ Под таким именем писал романист и драматург Джон Хэй Бейтс (1876–1952). Собственно говоря, это не псевдоним, т.к. «Иэн» — шотландский аналог имени «Джон» (Иоанн). В 1928 году Хэй, Вудхаус и А.А. Милн сложились по 500 фунтов каждый на постановку пьесы Вудхауса и Хэя «Дева в беде».

нием (если верить справочнику) в 3541 человек и единственным знаком прогресса, аптекой Ч. Байуотера.

Ч. Байуотер трудолюбив. Не ведая радостей сестры, он бдит, когда другие спят. Местные жители, как правило, расходятся днем по спальням, прикрывают лицо платком и выключаются. Так поступают они, но не Байуотер. В те мгновения, с которых начинается наша повесть, он работал не покладая рук и только что продал полковнику Уиверну чудодейственное средство от комариных укусов.

Купив эликсир, полковник собирался уйти, но Ч. Байуотер любил приправить сделку беседой. К тому же Мередит Уиверн еще не заходил к нему с тех пор, как разразился знаменитый скандал, другими словами — две недели, и главный сплетник селенья страдал без сведений.

Главное он, конечно, знал. Радж-Холл, обиталище рода Кармоди, окружал парк, а в этом парке росло несколько дубов, посаженных при Елизавете. То один из них, то другой становился настолько трухлявым, что угрожал жизни гуляющих. Тогда вызывали экспертов, и те, применив динамит, обращали его в невинный пенёк. Судя по слухам, две недели назад именно эта процедура едва не погубила полковника и мистера Кармоди. Они подошли к дубу как раз тогда, когда эксперт поджег шнур.

Это знали все и живо обсуждали в одиннадцати кабачках. Но Ч. Байуотер с его нюхом или тем шестым чувством, которое подсказывало ему, что творится у мелкой и крупной аристократии, чувствовал, что есть еще что-то, и надеялся на полковника.

— Жара... — начал он.

— Э... — согласился покупатель.

— А барометр поднимается.

— Э...

— Может, станет полегче.

— Э...

Ч. Байуотер открыл карты.

— У вас хороший вид, — сказал он. — После таких неприятностей...

Полковник, человек пылкий, как раз собирался узнать, почему, черт подери, надо заворачивать этот эликсир чуть не до вечера. Но тут, обретя ярко-малиновый цвет и грозно нахмурив брови, он яростно воззрился на аптекаря.

— Неприятности! — вскричал он. — Ну, знаете!

— Я имел в виду...

— Ха-ха! Неприятности!

— Да я просто...

— Если вы хотите сказать, — загрохотал полковник, — что я чудом спасся от смерти, я бы вам посоветовал лучше выбирать слова. Этот жирный мерзавец пытался меня убить. Неприятности! Нет, это бесподобно!

Мало что в мире печальней, чем ссора близких друзей, которые долго разделяли радости и скорби, что там — думали одно и то же о вере, вине, сигарах, политике и современной молодежи. Услышав, что полковник именуется жирным мерзавцем Лестера Кармоди, надо бы опечалиться; но нет, аптекарь испытал греховный восторг. Нюх не подвел, скандал изрядный. И Ч. Байуотер развесил уши, ожидая разъяснений.

Он их дождался, и в превеликом количестве. Полковника он понимал, тут не захочешь — обидишься. Когда мы гуляем с другом в парке, слышим вскрик и, оглянувшись, понимаем, что сейчас

бабахнет, легко ли, если этот друг схватит нас сзади и сунет между собой и шнуром, чтобы защититься от взрыва?

— Так-так-так... — сказал Байуотер, поднимая уши еще на один дюйм.

Хорошенько подумав, полковник не выбрал бы его в наперсники, но какие тут думы! Бутылка не выбирает пробочник, ей бы только не лопнуть; а несчастный Уиверн был именно такой бутылкой. Дочь уехала, две недели он терпел и наконец излил душу.

Изливал он ее с блеском. Аптекарь просто видел все, от окрика до тех мгновений, когда, подбежав к упавшему дереву, люди заметили, что полковник встает с физиономии мистера Кармоди. Честно говоря, аптекарь считал, что хозяин парка опроверг невысокое мнение об уме английской знати. Однако обидели все-таки полковника, и он ему сочувствовал. Жертва коварства имеет право на брань, а можно ли называть бывших друзей трусами и гадами, это уж дело личной совести.

— Подаю в суд, — заключил свой рассказ Уиверн, гневно глядя на рекламу пилюлей.

— Так-так-так, — сказал Байуотер.

— Этот жирный мерзавец любит только деньги. Я из него выжму последний пенни. До палаты лордов дойду!

— Так-так-так.

— Он мог меня убить! Я чудом спасся. Пять тысяч фунтов, не меньше. Если в Англии осталось правосудие, его вообще посадят.

Ч. Байуотер издавал неясные звуки. И истец, и ответчик покупали у него лекарства. Не желая оттолкнуть ни того ни другого, он надеялся, что полковник не спросит его мнения.

Тот и не спросил. Излив душу минут за шесть, он помолчал, подумал, покашлял и сменил тему.

— Где этот эликсир? — спросил он. — О господи! Еще не готов? Почему вы три часа завязываете бантик?

— Сейчас-сейчас, — заторопился аптекарь. — Ну вот. Я сделал петельку, удобней будет нести.

— А он помогает?

— Говорят, да. Спасибо, полковник. До свидания. Всего вам хорошего!

Еще кипя обидой, полковник распахнул дверь, и тут же тихую улицу огласили дикие звуки. То был яростный лай, сливавшийся с сердитым криком. Ч. Байуотер отступил вглубь, к полкам, откуда извлек в поименованном порядке корпию, арнику, бутылку признанного средства от царапин, ожогов, укулов и укусов. Он знал, что надо готовить все загодя.

2

Когда полковник изливал душу в чуткое ухо Байуотера, на улице появился молодой человек в костюме для гольфа и галстукке, который носят бывшие питомцы Регби. Это был Джон Кэррол, племянник мистера Кармоди. Он шел с собакой Эмили купить табуку у многостороннего аптекаря.

Вывески обманчивы. Вы читаете: «Аптека», но это все скромность. На самом деле Ч. Байуотер поставляет буквально все, от сервизов до мышеловок. Что-то вроде табака можно купить и в других местах, но субстанция эта вряд ли удовлетворит разборчивого курильщика. Истинная услада для нёба — только здесь.

Джон, крупный молодой человек с приятным, но мрачным лицом, медленно шел по улице. От безответной любви и других забот душа его совсем расклеилась, но послеполуденная тишина омывала ее бальзамом, погружая в транс, из которого, однако, вывел дикий шум, напугавший и Байуотера.

Причину его объяснить нетрудно. Когда Джон, собираясь купить табак, брал с собою Эмили, она останавливалась у входа и жадно нюхала, пока кто-нибудь не откроет дверь. Ей очень нравилось снадобье от кашля, а долгий опыт подсказывал, что если жалобно смотреть на аптекаря янтарными глазами, леденца два или три ей перепадет. Вот и сегодня, подбежав к двери, она только-только принялась, как вдруг получила весомый удар по носу, завизжала, отпрыгнула, а из аптеки выскочил полковник со своей бутылкой.

— Минуточку, минуточку! — язвительно сказала собачка. — Нельзя ли помедленней, любезный?

Полковник, придавленный бременем скорбей, заметил, что к ним прибавилось лохматое чудище, и рявкнул:

— Брысь!

Эмили зашласть от лая.

— Ах-ах-ах! — говорила она, сопровождая междометия визгом. — Это еще кто? Бьет, видите ли, по носу, словно король какой-нибудь...

— Пошел отсюда! — заорал полковник.

— Если хотите, «пошла», — заметила Эмили. — Я — дама, черт побери!

Словарь у нее был богатый и современный.

— Из-за таких субъектов, — продолжала она, — все наши беды. Знаю я вас, акул! Одно слово, тираны. Разрешите сказать...

Тут, как это ни печально, полковник решил ее ударить. Она увернулась, но, убедившись в тщете слов, изменила тактику. Намереваясь вцепиться противнику в ногу, она услышала истерический крик:

— Э-э-ми-ли-и!!!

Голос у Джона был зычный, легких он не жалел. Когда валлийский терьер вот-вот сожрет отца любимой девушки, миндальничать нельзя. Услышав трубный вопль, полковник подпрыгнул и выронил свою бутылку. Та со звоном разбилась, а Эмили, вполне способная внести лепту в неожиданный, хотя и безопасный тарарам, все же поджала хвост и убежала. Негромкие, но приятные крики у кабачка «Герб Кармоди» свидетельствовали о том, что она миновала это популярное заведение.

Однако Джон не успокоился. Глядя на Уиверна, вы не подумали бы, что у него красивая дочь, но так уж случилось, и Джон робел, как робеет едва ли не всякий при отце красивой дочери.

— Простите, — выговорил он. — Надеюсь, вы не ранены?

Потерпевший не ответил, но метнул в него тот взгляд, от которого сержанты никли, как увядшие розы. Потом оба они вошли в аптеку.

— Еще одну, — лаконично сказал полковник.

— Вы уж простите! — сказал Джон.

— Ту я уронил. На меня бросился дикий пес.

— Ради бога, про...

— Нет, как разрешают водить их по улицам?

— Я вас у-мо-ля...

— И опасно, — закончил полковник, — и противно.

— Так-так, — сказал аптекарь.

Разговор себя исчерпал. Байуотер понял, что не время любовно вывязывать бантики, и мгновенно упаковал бутылку. Полковник схватил ее и убежал, а Джон, придержавший для него дверь и не услышавший «Спасибо», вернулся к прилавку, за табаком.

— Так-так, — сказал Байуотер. — Сию минутку, мистер Джон. Две унции?

С уходом полковника стало полегче. Обретя былую приветливость, аптекарь отсыпал табаку и, разговора ради задерживая сдачу, сказал:

— А полковник-то расстроен.

— Сдачу не дадите? — спросил Джон.

— Очень прискорбный случай.

— Как там сдача?

— Я сразу заметил, что он сам не свой. Что говорить, шок! Только он вошел, я подумал...

Джон не возражал, но поинтересовался сдачей.

— По дочери скучает, — определил аптекарь с лукавой улыбкой. — После такого шока нужен близкий человек. Это и коту ясно.

Джон ушел бы, но как расстанешься с тем, кто говорит о Патрисии? И он придвинулся к прилавку.

— Скоро она будет дома, — сказал Байуотер. — Насколько мне известно, завтра.

— Завтра?!

— Да, мистер Джон. Вчера вернулась из Франции. Канал пересекла без эксцессов. Сейчас находится в Лондоне, отель «Линкольн», Керзон-стрит. Здорова и весела. Завтра приедет трехчасовым поездом.

Джон не удивлялся такой точности. Он знал, что сестра аптекаря служит на почте.

- Завтра... — повторил он.
 - Да, сэр. Именно — завтра.
 - А сдачу можно? — спросил Джон, торопясь уйти, чтобы обдумать все на воздухе.
 - Конечно, теперь ей... — начал аптекарь.
 - Сда-ачу!
- И Ч. Байуотер, взглянув на него, отсчитал монетки.

3

Чтобы дойти от аптеки до усадьбы, вы проходите Главную улицу, резко сворачиваете налево, то есть на Ривер-лейн, потом переходите каменный мостик, под которым речка Скерм тихо течет к реке Северн, минуете небольшой, но приятный дом полковника, поднимаетесь по склону, пересекаете луг-другой — и оказываетесь в парке, где виднеются сквозь деревья высокие трубы и красные стены древнего дома Кармоди.

Когда тут не взрывают дубы под носом у военных, место это можно назвать царством покоя. Джон прибавил бы «и очарованья», ибо за четырнадцать лет, прошедших с ее приезда, Пэт пропитала местность своими свойствами. Каждый дюйм был так или иначе с ней связан. На этих пнях она сидела, помахивая ножками в коричневых чулках; под этими деревьями укрывалась от грозы; на эти ворота лазала, на этих лужайках бегала, в эти колючие кусты гоняла его в поисках гнезд, словом — куда ни взгляни, поневоле о ней вспомнишь. Самый воздух сверкал и звенел ее смехом, и даже мысли о том, что смеялась она над ним, Джоном, не могли ни на каплю ухудшить это сказочное царство.